

АГРАРНОЕ И ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО

2015

№ 7(127)

- Духно Н.А., Ивакин В.И.* К вопросу о правовом регулировании обеспечения экологической безопасности на железнодорожном транспорте
- Ермоленко В.М.* К вопросу об отраслевой самостоятельности современного аграрного права
- Гафурова Е.В.* Перспективы развития аграрного права в современных условиях
- Корнилова У.В.* Ограничение оборотоспособности земель общего пользования
- Глеба О.В.* Проблемы и перспективы развития животноводческой отрасли России
- Криволапова Л.В.* К вопросу о передаче права собственности и фикции действия
- Груздев В.В.* О проблеме аннулирования временных сведений об объекте недвижимости
- Ивакин В.И.* Поздравляем с 75-летием профессора, доктора юридических наук Альберта Евгеньевича Черноморца!
- Другие материалы

855626

<p align="center">АГРАРНОЕ И ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО 2015. № 7(127) Федеральный научный юридический ежемесячный журнал</p>	<p align="center">AGRARIAN AND LAND LAW 2015. № 7(127) Federal scientific juridical monthly journal</p>
<p>Учредитель: <u>А.И. Бобылев</u></p> <p>Издатель: Издательство «Право и государство пресс»</p> <p>Главный редактор: <i>Н.А. Духно – доктор юридических наук, профессор</i></p> <p>Ответственный редактор: <i>С.В. Зубкова</i></p> <p>Редакционный совет: <i>А.П. Анисимов – д.ю.н., профессор, С.А. Боголюбов – д.ю.н., профессор, Г.А. Волков – д.ю.н., профессор, Н.А. Волкова – к.ю.н., профессор, Б.А. Воронин – д.ю.н., профессор, О.Л. Дубовик – д.ю.н., профессор, Н.А. Духно – д.ю.н., профессор, Н.Г. Жаворонкова – д.ю.н., профессор, В.Е. Лукьяненко – д.ю.н., профессор, Г.А. Мисник – д.ю.н., профессор, Г.А. Прокопович – д.ю.н., доцент, В.В. Устюкова – д.ю.н., профессор, Г.Г. Файзуллин – к.ю.н., доцент, А.Е. Черноморец – д.ю.н., профессор</i></p>	<p>Constitutor: <u>A.I. Bobylev</u></p> <p>Publisher: Publishing house «Law and state press»</p> <p>Chief editor: <i>N.A. Dukhno – doctor of juridical sciences, professor</i></p> <p>The editor-in-chief: <i>S.V. Zubkova</i></p> <p>Editorial council: <i>A.P. Anisimov – dr. of juridical sciences, prof., S.A. Bogolyubov – dr. of juridical sciences, prof., G.A. Volkov – dr. of juridical sciences, prof., N.A. Volkova – cand. of juridical sciences, prof., B.A. Voronin – dr. of juridical sciences, prof., O.L. Dubovik – dr. of juridical sciences, prof., N.A. Dukhno – dr. of juridical sciences, prof., N.G. Zhavoronkova – dr. of juridical sciences, prof., V.E. Lukyanenko – dr. of juridical sciences, prof., G.A. Misnik – dr. of juridical sciences, prof., G.A. Prokopovich – dr. of juridical sciences, docent, V.V. Ustyukova – dr. of juridical sciences, prof., G.G. Fayzullin – cand. of juridical sciences, docent, A.E. Chernomorets – dr. of juridical sciences, prof.</i></p>
<p align="center">Зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Регистрационный номер ПИ № 77-17837.</p> <p align="center">Почтовый адрес редакции: 141079, Московская область, г. Королёв, ул. Гагарина, д. 11, а/я 1112. E-mail: prigos@mail.ru; www.prigospres.ucoz.ru. Тел./факс: 8-498-602-92-34; 8-926-653-70-20</p> <p align="center">Журнал включён Высшей аттестационной комиссией (ВАК) Минобразования и науки РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора юридических наук.</p> <p align="center">Награждён Знаком отличия «Золотой фонд прессы – 2008»</p> <p align="center">При подписке данные о журнале можно найти в Объединённом каталоге «Пресса России». Том 1. Зелёный. Подписка 2015. Второе полугодие. Наш индекс 11194.</p> <p align="center">За достоверность и точность данных, приведённых в статье, ответственность несут авторы статей и других материалов.</p> <p align="center">Точка зрения редакции не всегда совпадает с мнением авторов статей. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.</p> <p align="center">© Издательство «Право и государство пресс», 2015</p>	

СОДЕРЖАНИЕ 2015 № 7(127)

АГРАРНОЕ И ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО

Ермоленко В.М.
К вопросу об отраслевой самостоятельности
современного аграрного права.....4

Гафурова Е.В.
Перспективы развития аграрного права
в современных условиях.....11

Корнилова У.В.
Ограничение оборотоспособности
земель общего пользования.....17

ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО

Глеба О.В.
Проблемы и перспективы
развития животноводческой отрасли России.....20

ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Жуков В.Н.
Марксизм как социолого-правовая доктрина.....24

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Пухарев И.В.
Проблемы правового регулирования
развития муниципалитетов
(на примере муниципального образования
«Северо-Байкальский район» Республики Бурятия).....34

Солнцева Н.О.
Развитие идей о равенстве и равноправии
в трудах зарубежных философов и правоведов.....39

Эфендиев С.А.
Категория «стабильность» в решениях
Конституционного Суда Российской Федерации.....45

Галузо В.Н., Канафин Н.А.
Таможенная статистика
в системе функций таможенных органов.....50

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Криволапова Л.В.
К вопросу о передаче права собственности
и фикации действия.....56

Корнилова Н.В.
О проблемах классификации ограниченных вещных прав.....61

Висханова П.Г.
Общественное мнение
как институт гражданского общества.....66

Хевсаков А.В.
Становление и развитие
российского института представительства.....78

Груздев В.В.
О проблеме аннулирования временных сведений
об объекте недвижимости.....82

Исаев А.А.
Правовые позиции высших судебных инстанций по делам
о возмещения вреда с участием военных организаций:
правореализационные аспекты.....84

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Лопотун Б.Н.
Сущность и значение финансового контроля
для обеспечения прав и свобод человека и гражданина
как высшей ценности правового государства.....88

Овечкин А.П.
Объединения кредитных организаций.....101

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Вулах М.Г.
Организация страхования рисков
потери трудоспособности лиц,
задействованных в профессиональном спорте.....106

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Духно Н.А., Ивакин В.И.
К вопросу о правовом регулировании
обеспечения экологической безопасности
на железнодорожном транспорте.....110

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Честнов Н.Е.
Правовые основания криминализации
нарушения правил кораблевождения.....121

Стрельников В.В.
Совершенствование работы органов прокуратуры
по координации деятельности
правоохранительных органов Российской Федерации.....127

Честнов Н.Е.
Общая характеристика
и правовое регулирование кораблевождения
в Вооруженных Силах Российской Федерации.....138

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Галицкая Н.В.
Законодательные основы
обеспечения безопасности в Российской Федерации.....144

ЮБИЛЕИ

Ивакин В.И.
Поздравляем с 75-летием профессора, доктора
юридических наук Альберта Евгеньевича Черноморца!.....151

МАРКСИЗМ КАК СОЦИОЛОГО-ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА

ЖУКОВ Вячеслав Николаевич,

доктор философских наук,

профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (МГУ).

E-mail: pifagor2002@mail.ru

Краткая аннотация: в статье рассматриваются теоретические и методологические основы марксистской социологии права. Показывается роль Г.В. Плеханова и В.И. Ленина в становлении марксистской социологии права. Раскрываются исторические условия и причины трансформации исторического материализма в социолого-правовую доктрину в первые годы советской власти.

In the article it's discussed the theoretical and methodological foundations of the Marxist sociology of law. It's shown role of G.V. Plekhanov and V.I. Lenin in the formation of a Marxist sociology of law. It's described historical conditions and reasons for the transformation of historical materialism in social and legal doctrine in the first years of Soviet power.

Ключевые слова: социология права; социология государства; марксизм; М.И. Рейснер; П.И. Стучка; Е.Б. Пашуканис; И.П. Разумовский.

Sociology of law; sociology of the state; Marxism; M.I. Reisner; P.I. Stuchka; E.B. Pashukanis; I.P. Razumovsky.

Как верно отметил В.И. Ленин, в своей известной статье, марксизм имеет три источника (немецкая философия, английская политическая экономия, французский социализм) и соответствующие им три составные части: философия, политэкономия, научный социализм¹. Теоретических источников было, конечно, больше, но состав марксизма определен точно. Каждый из компонентов обладает самостоятельной ценностью, но существуют они как единое целое при приоритетном значении теории социализма. Материалистическая диалектика, борьба классов и формационная типология, экономический анализ товарного производства, - все это подчинено двум ключевым идеям: неизбежному краху капитализма и закономерности возникновения бесклассового коммунистического общества. Марксизм есть, прежде всего, социалистическая доктрина, обоснование которой велось с опорой на философию, историю, экономическую и политическую теорию. Казалось бы, здесь нет места социологии как самостоятельной науки. Во всяком случае, ни К. Маркс, ни Ф. Энгельс не предпринимали попыток представить свое учение как социологическую науку или, как мини-

мум, как-то связать их. Оба они были очень чутки к современной социальной науке, в своих исследованиях широко использовали данные археологии, антропологии, этнологии, экономической и политической истории, политической географии, статистики, т.е. тех отраслей знания, которые составляют основу социологии. Однако теории О. Конта, Дж. Ст. Милля и Г. Спенсера остались ими практически незамеченными. Абстрактный схематизм, социальное моделирование, структурно-функциональные связи, предложенные молодой наукой, не заинтересовали основоположников марксизма и понятно, почему: марксизм предложил и плодотворно использовал собственные теоретико-методологические подходы к анализу социальных процессов. Ни Марксу, ни Энгельсу не нужно было обращаться к социологии за поиском методов социального анализа, поскольку они выработали их самостоятельно и успешно применяли. Здесь не видно было даже никакой ревности к новой науке, она в их глазах просто не представляла большой ценности, особенно если иметь в виду ее тенденцию к построению социальной утопии (социократия О. Конта и т.п.). Претензии социологии быть главной социальной наукой, выскажем предположение, воспринимались Марксом и Эн-

¹ Ленин В.И. Три источника и три составных части марксизма // Ленин В.И. Избранные произведения. В 3-х т. Т. 1. М., 1976. С. 31.

гельсом как борьба на академическом поле, что мало их занимало. Главным объектом их внимания была не академическая наука, а немарксистская идеология в лице буржуазного либерализма, реформистского социализма и анархизма.

Если Маркс и Энгельс не обратили большого внимания на появление социологии, то социологи второй половины XIX – первой трети XX вв., со своей стороны, восприняли марксизм как очень крупное социальное учение, обладающее важнейшими чертами социологической доктрины. Целая плеяда социологов Запада и России формировалась под влиянием Маркса (Ф. Теннис, М. Вебер, В. Зомбарт, Э. Дюркгейм, К. Мангейм, Г. Маркузе, Э. Фромм, М.М. Ковалевский, П.А. Сорокин, Н.С. Тимашев, Г.Д. Гурвич и др.). Социология, возникнув на междисциплинарном пограничье, на рубеже XIX-XX вв. находилась в аморфном состоянии, без четко очерченного предмета и сотканная из разнородных кусков отраслевого знания. Марксизм, напротив, с самого начала отличался цельностью, системностью, теоретико-методологическим единством, широким охватом эмпирических данных, что не могло не привлекать исследователей, стремившихся к обобщенному знанию на основе фактов истории и естествознания. Ученый, стремившийся к созданию социологического знания, находил в марксизме идеи социальной стратификации и социальной закономерности, функциональные связи и новейшие методы исследования. Если какими-то социологами не принимались отдельные идеи марксизма (например, диктатура пролетариата и переход к коммунизму), то марксизм как целостная теория, предложившая оригинальную модель «социальной статики» и «социальной динамики», представляла для них огромный интерес. Иначе говоря, придание марксизму статуса социологической доктрины шло не от Маркса и Энгельса, а от социологов по большей части немарксистской ориентации. На рубеже XIX-XX вв. социолог-марксист академического плана, считающий себя, прежде всего, социологом, хотя и работающим на основе марксизма, – большая редкость, тогда как марксист-политик, пишущий работы в области политэкономии, истории или политической теории

и использующий при этом социологические подходы, – широко распространенное явление. Марксизм как социологическая доктрина получает свой статус, прежде всего, в среде социологов и благодаря их усилиям, теоретики и практики рабочего движения воспринимали марксизм в основном как доктрину научного социализма. Так было на Западе и в России.

Первые контакты Маркса с представителями русской общественно-политической мысли (П.В. Анненков, М.А. Бакунин, А.И. Герцен, Г.М. Толстой, Н.И. Сазонов) относятся ко второй половине 40-х гг., которые «в большинстве своем никакой роли в распространении его идей в России не играли»¹. В 60-70-е гг. устанавливаются тесные связи с I Интернационалом (на рубеже 1869-1870 гг. организуется его Русская секция), начинается систематическое изучение работ Маркса. В 1872 г. публикуется I том «Капитала» на русском языке, что вызвало немало откликов в печати. Имело значение, что первое знакомство с марксистской литературой проходило в народнической среде, где не меньшей популярностью пользовалась позитивистская философия и социология. Как верно отмечают исследователи, «знакомство с трудами К. Маркса в России началось почти одновременно с проникновением сюда идей О. Конта. Обе теории были встречены обществоведами, всей образованной публикой с огромным интересом. Будучи принципиально отличными одна от другой по своим мировоззренческим установкам, они имели то общее, что несли на себе печать времени, выражая, каждая по-своему, объективно назревшую потребность в социальных изменениях и пытаясь в своих теоретических построениях, по-новому осмыслить происходящие в обществе процессы. Обе теории были вызваны к жизни одной и той же причиной: неудовлетворенностью господствующим мирозерцанием и состоянием науки об обществе и человеке. Обе отражали характерное для общественного сознания своего времени ощущение необходимости в коренных изменениях интеллектуального климата, в создании принципиально иных средств изучения общества в целях его

¹ Грецкий М.Н., Федоровский Н.Г. Маркс в России // Русская философия: Энциклопедия. 2-е изд., дораб и доп. / Под общ. ред. М.А. Маслина. Сост. П.П. Апрышко, А.В. Поляков. М.: Книжный Клуб Книговек, 2014. С. 362.

преобразования»¹.

Интерес народнических авторов к социологии (первые русские социологи, напомним, либо были идеологами народничества, либо ей сочувствовали) во многом predetermined угол зрения, под которым рассматривался марксизм. Помимо собственно социалистического компонента идеологи народничества (включая его вождей П.Л. Лаврова, П.Н. Ткачева, Н.К. Михайловского) пытались оценить потенциал марксизма как социологической доктрины, вольно или невольно сопоставляя его с учениями О. Конта, Дж.Ст. Милля и Г. Спенсера. В марксизме их интересовало не столько теория прибавочной стоимости и идея диктатуры пролетариата, сколько привычные для них темы прогресса, социальных законов и социальной стратификации. Н.И. Кареев свидетельствовал: «Маркс, конечно, был хорошо известен русским социологам и высоко ценим ими как экономист, но как раз его “экономический материализм” не оказывал никакого влияния на русскую социологию... До какой степени основная идея экономического материализма мало обращала на себя внимание, можно видеть хотя бы из того, что Лавров заговорил о ней только в конце своей жизни, когда как-то сразу же после смерти Маркса и незадолго до кончины Лаврова началась теоретическая разработка экономического материализма»². В личных беседах Кареева с Лавровым о Марксе «ни разу не поднимался вопрос о теоретической предпосылке “Коммунистического манифеста” как о некоторой общей социологической теории»³. На этапе господства народнической социологии⁴ лишь Н.И. Зибер, который считается первым русским социологом-марксистом, посвятил свои работы теории ценности⁵.

Аутентичное восприятие марксизма в России начинается с Г.В. Плеханова и В.И. Ле-

нина, с рождения марксистских организаций «Освобождение труда» (1883 г.) и «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» (1895 г.). Свою лепту в распространение марксизма внесли так называемые «легальные марксисты» (П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановский, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев и др.), упирившие на экономический детерминизм и игнорировавшие идею пролетарской революции. Н.И. Кареев связывает возникновение русского марксизма с началом нового этапа в развитии социологии в России, знаменовавшегося острой борьбой между народниками и социал-демократами. По существу дискуссия шла о путях преобразования страны на социалистический лад, а по форме полемика была между теорией марксизма и субъективной социологией. В результате теория социологии совершенно неоправданно и нелогично смешивалась с теорией социализма: «Защита настоящими народниками общины, кустарного производства, артелей не находилась ни в какой связи с социологическими воззрениями Лаврова, Михайловского и др., в свою очередь, ничего не говоривших о формах землепользования или обрабатывающей промышленности. Между тем в полемике все это смешивалось, и страсти разгорались никак не из-за отвлеченных формул той или другой социологической доктрины, а из-за вопроса, по какому экономическому пути следует впредь развиваться России. Страстность, однако, вносилась (особенно в публичных дебатах) и в обсуждение этих, абстрактных вопросов, сводившихся, в сущности, к двум вопросам: где, грубо говоря, искать обоснования социальной науке, в психической ли природе человека или в производительных силах и производственных отношениях общества, и следует ли социологии руководствоваться этическими соображениями, или же в ней должен господствовать строжайший объективизм?»⁶.

Представляется, что Н.И. Кареев точно указал на суть проблемы, нами исследуемой: Плеханов, Ленин, Струве, другие марксисты заводили речь о социологии в той мере, в какой необходимо было критиковать народническую идеологию, зачастую воплощенной в форме субъективной социологии. Плеханов и Ленин пе-

¹ Кукушкина Е.И. Марксистская социология // Развитие социологии в России (с момента зарождения до конца XX в.) / Под ред. Е.И. Кукушкиной: Уч. пособие. М.: Высшая школа, 2004. С. 85-86.

² Кареев Н.И. Основы русской социологии. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. С. 188-189.

³ Там же. С. 189.

⁴ Термин очень условный, так как на персональном уровне субъективная социология и идеология народничества далеко не всегда совпадали.

⁵ Зибер Н.И. Опыт программы для собирания статистико-экономических сведений. Киев, 1875; Зибер Н.И. Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях: Опыт критико-экон. исслед. СПб., 1885.

⁶ Кареев Н.И. Указ. соч. С. 194.

реключались на социологическую тематику не потому, что их интересовали особенности марксизма как социологической доктрины (они рассматривали марксизм, прежде всего, как теорию научного социализма), а из-за социологической стилистики народников. Чтобы разбить аргументацию теории крестьянского социализма, приходилось попутно расправляться с субъективной социологией. Таким образом, разработка русскими марксистами теории социологии в 90-е гг. XIX в. есть, по большей части, побочный результат их политической и идеологической борьбы против народников. Не случайно, ни Плеханов, ни Ленин позднее, когда первая фаза данной полемики закончилась, практически не использовали термин «социология» и к теории социологии не возвращались. Дискуссия между социал-демократами и эсерами, большевиками и меньшевиками велась впоследствии на поле теории социализма, без отсылок к социологической науке. Вместе с тем первые марксистские работы Плеханова и Ленина представляют собой превосходные образцы применения социологического метода. Плеханов привел в систему теорию исторического материализма, раскрыв особенности социальной закономерности, а Ленин, используя статистические данные, дал обстоятельный анализ развития капитализма в России¹. «Ленин не разрабатывал отдельных вопросов марксистской социологии, – высказывает свое мнение Н.И. Кареев, – но никто так интегрально, во всей совокупности, и так ортодоксально не воспринимал марксизма с его материализмом и диалектикой, с его экономическим объяснением истории и сведением последней к борьбе классов, с его теорией ценности, с его учением о социальной революции и о диктатуре пролетариата, с его коммунизмом и интернационализмом»². Теорию социологии Ленин действительно не разрабатывал, но от этого его ра-

боты не утрачивают социологический характер.

Если русские марксисты занимались теорией социологии, так сказать, вынужденно, по необходимости (надо было бороться с народничеством на их предметном поле), то социологи-позитивисты пытались системно подойти к анализу марксизма как социологической доктрины. Как это ни парадоксально, но именно в позитивистской среде марксизм получает статус социологической науки, формируется традиция воспринимать марксизм в качестве социологической теории. В дальнейшем, после Октября 1917, данная традиция будет воспринята многими большевиками-обществоведами. Насколько популярен был марксизм среди социологов, говорит Е.В. Де-Роберти, сравнивая результаты двух конгрессов социологов (1900 и 1903 гг.), организованных Международным институтом социологии. Первый был посвящен марксизму, второй – органической школе: «Любопытно сопоставить результаты, достигнутые обсуждением на двух международных съездах ученых специалистов основных исходных точек таких, если не диаметрально противоположных, то во всяком случае сильно расходящихся течений или школ в социологии, какими представляются органическая теория, с одной стороны, и исторический экономизм, с другой. Разница с первого же взгляда оказывается поразительной, а именно: органическая теория, несмотря на явную поддержку членами бюро, состоявшего сплошь из приверженцев ее, потерпела на конгрессе полное, почти позорное поражение. Наоборот, исторический материализм, против которого резко высказалось бюро и, пожалуй, даже большинство членов Института, вышел из дебатов не только целым и невредимым, но, быть может, даже несколько окрепшим, так как в пользу его здесь впервые были высказаны доводы и аргументы, до сих пор ускользавшие от внимания собственных его сторонников»³.

Примеривая Маркса и Энгельса к классикам социологии, социологи-позитивисты стремились найти в марксизме собственно социологические приобретения. Как правило, специально оговаривалось, что Маркс и Энгельс

¹ Плеханов Г.В. Наши разногласия // Плеханов Г.В. Избр. филос. соч. В 5-ти т. Т. 1. М., 1956; Плеханов Г.В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Плеханов Г.В. Избр. филос. соч. В 5-ти т. Т. 1. М., 1956; Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 1. М., 1971; Ленин В.И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 1. М., 1971; Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 3. М., 1971.

² Кареев Н.И. Основы русской социологии. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. С. 307-308.

³ Де-Роберти Е.В. К оценке основных предпосылок социологической теории Карла Маркса // Социология в России XIX – начала XX веков. М.: МУБИУ, 1997. С. 350.

социологами в чистом виде не были и не ставили перед собой цель создать собственную социологическую систему. Всегда отмечалось, что марксизм – такое же крупное направление в социологии, как и позитивизм, но имеющее собственный фундамент. Вместе с тем указывалось на общие интеллектуальные корни марксизма и контизма: учение Сен-Симона и идеи французских материалистов XVIII в. Главная заслуга марксизма, утверждали позитивисты, – стремление дать системный анализ общества в единстве его материальной и духовной культуры. Сведение всех факторов общественной жизни к производственным отношениям хотя и вызывало серьезные возражения, на сам принцип монистического понимания истории оценивался весьма высоко. При всей плодотворности теория многофакторности, популярная у позитивистов, трудно уживалась с любой предложенной концепцией, ломала ее, тогда как материалистический монизм вносил в представления об обществе, государства и права цельность и завершенную логику, что изначально и требовалось от социологической науки.

Несомненным достоинством марксизма позитивисты считали его устремленность к поиску закономерностей, имеющих место в «социальной статике» и «социальной динамике». При всей однобокости формационная типология показывала пример в целом успешного выведения общего вектора развития человечества из совокупности эмпирических условий жизни людей. Любимая позитивистами тема прогресса (в качестве направленного движения истории), так или иначе, находила подтверждение в материалистическом понимании истории. Существенное развитие социологической теории позитивисты усматривали в установлении связи социальной стратификации с материальным производством, зависимости поведения индивида от его классовой принадлежности. Согласно К.М. Тахтареву, Маркс вернул общественную науку к «единственно верному, аристотелевскому» пониманию человека как существа, функционально связанного со своей социальной группой и обществом в целом¹. Для

Б.А. Кистяковского заслуга Маркса состоит в том, что он первый дал понятию класса действительно социологическую трактовку: «Еще задолго до Маркса у таких французских историков как Луи Блан, Ог. Тьерри, Гизо и другие явления сословной и классовой борьбы играли большую роль при объяснении исторических событий вообще, а конца прошлого и начала нынешнего столетия – в особенности. Это вполне понятно, так как борьба сословий и классов – эмпирический факт, непосредственно бросающийся в глаза. Но именно потому эти попытки обобщений не имеют никакого отношения к теории социального развития Маркса и к его понятию классовой борьбы. Те марксисты, которые приравнивали воззрения французских историков к теории классовой борьбы Маркса, низводили последнюю до самого обыденного эмпирического обобщения и лишали ее глубокого и всеобщезначимого научного смысла. Французские историки не могли даже теоретически возвыситься до социологического понятия, ибо они имели дело лишь с частными случаями из истории, которые должны быть подведены под понятие сословной и классовой борьбы. Социологический смысл этих явлений мог быть понят и определен только путем экономических и социологических исследований после тщательного анализа организации общества, основанной на общественном разделении труда. Впервые Маркс так широко обобщил эти явления и так глубоко проник в сущность социального процесса»².

Если в дореволюционной России работы по марксистской социологии и социологии права – относительная редкость на фоне огромного массива социологических исследований позитивистской направленности, то после Октября 1917 г. ситуация принципиально меняется. Советская власть, заинтересованная в своем идеологическом обосновании, стимулирует бурное развитие обществоведения на основе марксизма. Устанавливается полный контроль в сфере социальных наук и образования. Одно из мероприятий – учреждение Социалистической академии общественных наук, в составе которой вводился «политико-юридический

¹ Тахтарев К.М. Главнейшие направления в развитии социологии // Тахтарев К.М. Социологические труды. СПб.: РХГА, 2006. С. 614.

² Кистяковский Б.А. Социальные науки и право // Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб.: РХГИ, 1998. С. 99-100.

разряд», имевший целью как-то заменить упраздняемые юридические факультеты¹ (большевики считали их проводниками буржуазно-помещичьего влияния). Вместе с тем для социологии, считавшейся гонимой при царской власти, наступают вроде бы благоприятные времена: «в 20-е годы в стране произошел взрыв социологической литературы марксистской ориентации, как отмечали наблюдатели этого процесса, появились учебные пособия, библиографии, тематические сборники и монографии»², «открывается первый в России факультет общественных наук с кафедрой социологии во главе с Питиримом Сорокиным (1919-1920 гг. Петроградский университет). Возобновляет свою деятельность Социологическое общество им. М. Ковалевского»³. Однако в начале 20-х гг. ситуация быстро ухудшается и для социологии: «в 1922 г. из страны было выслано около 160 деятелей науки и культуры, среди них многие выдающиеся философы и социологи - в том числе П.А. Сорокин, Н.А. Бердяев, П.Б. Струве, С.Л. Франк и многие другие»⁴. «Оформила переворот, вернее запрет, в 1929 г. дискуссия в Институте философии Коммунистической академии, на которой был сделан категорический вывод: "социология - это лженаука, выдуманная французским реакционером Огюстом Контом, само слово "социология" не должно использоваться в марксистской литературе". Более чем на два десятилетия развитие отечественной социологии было прервано»⁵.

Академик Г.В. Осипов, активно участвовавший в процессе возрождения социологии, предлагает свою концепцию ее намеренного разрушения: «Материалистическое понимание истории было введено К. Марксом в тот период, когда социология еще не выделялась в качестве самостоятельной науки об обществе. Социологическое знание отождествлялось со знанием философским или с обществознанием в целом.

Создание на базе материалистического понимания истории научной теории общества, которая была названа Ф. Энгельсом историческим материализмом (Маркс К., Энгельс Ф.Т. 22, С. 306), осуществлялось в недрах философии, что послужило основанием сложившейся в марксизме традиции отождествления философии и социологии (К. Каутский и др.). В дальнейшем, по мере накопления и развития конкретного знания об обществе, в марксизме возникла вторая традиция (Г. Плеханов, Н. Бухарин, А. Грамши и др.), согласно которой социология рассматривалась в качестве самостоятельной, отпочковавшейся от философии, марксистской науки. Развитие социологии как самостоятельной социальной науки стало доминирующим накануне и сразу после Октябрьской революции в России. Однако в 30-х гг. вследствие некомпетентного вмешательства И.В. Сталина в дела общественных наук это развитие было прервано, и социология в административно-приказном порядке была «воссоединена» с философией, перестала существовать как самостоятельная наука. Понятие «социология» было заменено понятием «исторический материализм», социологическое содержание которого вследствие ряда административных и организационных «ударов» по так называемой социологизации исторического материализма, нанесенных приверженцами философских схем И.В. Сталина, было заменено содержанием философским. Философией марксизма стал диалектический и исторический материализм»⁶.

Видно, что данную концепцию создает социолог, живущей своей наукой, в известном смысле зашоренный ею и преувеличивающий ее значение. Ф. Энгельс, К. Каутский и Г.В. Плеханов, находящиеся в гуще интеллектуальной жизни Европы, не могли не видеть нарастающего влияния социологии, однако не предпринимали никаких попыток назвать марксизм социологией. Н.И. Бухарин, И.П. Разумовский, С.А. Оранский и многие другие советские марксисты действительно отождествили исторический материализм и социологию. Книга Н.И. Бухарина - почти современный учебник по социологии, созданный на базе марксизма с соответствующим понятийным аппаратом, фразеологией, стилистикой. Можно

¹ Плотниекс А.А. Становление и развитие марксистско-ленинской общей теории права в СССР. 1917-1936. Рига, 1978.

² Голосенко И.А. Питирим Сорокин как историк мировой и русской социологии // Сорокин П.А. О русской общественной мысли. СПб.: Алетейя, 2000. С. 19.

³ Осипов Г.В. Как это было на самом деле: о возрождении социологии в России // Вехи российской социологии. 1950-2000-е годы. СПб.: Алетейя, 2010. С. 8.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Осипов Г.В. Социология и социализм. М.: Вече, 2008. С. 57-58.

даже подумать, что учебник писался не для малограмотного советского актива, слушателей Комакадемии, а для студентов какого-нибудь европейского университета. Концепция Г.В. Осипова заслуживает внимания, но акценты здесь следовало бы сместить. Стремление части большевиков-обществоведов представить марксизм как социологическую доктрину следует связать с ростом влияния социологии в России и на Западе. Крупнейшие марксисты-социологи первых лет советской власти разрабатывали теорию социологии, находясь под влиянием, прежде всего, немарксистской социологии. Марксистскую социологию и социологию права, взятую в данном контексте, следует рассматривать как очередную фазу в развитии мировой социологической науки. Необходимо подчеркнуть, что главный импульс в придании системе историческому материализму как социологической доктрины шел не от марксизма, а от социологической науки (прежде всего, так называемых буржуазных ее направлений). Н.И. Бухарин, И.П. Разумовский, С.А. Оранский, М.А. Рейснер, П.И. Стучка, пытаясь придать марксизму вид социологической теории, вдохновлялись не идеями Маркса и Энгельса, а скорее работами классиков социологии. Собственно марксистские идеи (базис и надстройка, диктатура пролетариата и построение коммунизма) были содержанием, для которого требовалась современная респектабельная форма. Именно потому, что главный импульс в создании марксистской социологии и социологии права шел не от марксизма, советская власть по мере своего укрепления достаточно легко отказалась от немарксистской добавки в лице социологии. В этом смысле провозглашение социологии «буржуазной лженаукой» имело свою логику. Во-первых, теория научного социализма со времен своего возникновения была вполне самодостаточной, и ни в какой мере не нуждалась в опоре на социологию – науку на рубеже XIX-XX вв. рыхлую, аморфную, без четко очерченного предмета. Во-вторых, идея создания социологии в качестве некоей универсальной общественной науки действительно возникает в немарксистской среде. Соответственно всякие попытки оформить марксизм как социологическую доктрину вольно или невольно заставляли разработчиков обращать свои взоры

к «буржуазным» классикам. И.П. Разумовский, С.А. Оранский и Е.А. Энгель ссылаются на О. Конта, Ч. Дарвина и Л. Гумпловича, М.А. Рейснер – на Л.И. Петражицкого, П.И. Стучка – на Р. Иеринга и С.А. Муромцева и т.д. В условиях тоталитарного режима такое положение дел терпимо быть не могло, и социология исчезла из официального советского обществоведения. Так что винить Сталина в том, что он вернул исторический материализм из социологии в философию, значит упрощать проблему.

Отождествление советскими теоретиками исторического материализма и социологии было не просто механическим переименованием. Фактически задача состояла в том, чтобы перенести понятийный аппарат классической социологии в марксистскую концепцию общества. Поскольку марксизм изначально содержал в себе социологический компонент (и как теорию, и как методологию), перевести исторический материализм (в том числе общую теорию права как его составную часть) на язык классической социологии не представляло больших трудностей. Социология как наука, напомним, отличается тремя характерными чертами: 1) рассмотрение социальных объектов как системы, 2) поиск законов и функциональных связей, 3) опора на эмпирику и ее анализ. Все это марксизм, диалектический и исторический материализм, демонстрирует, что и было подмечено видным социологом-марксистом 20-х гг. И.П. Разумовским: «Маркс внес в общественное сознание именно это, недостававшее буржуазной науке понимание единства общественного процесса. Для него каждая общественно-историческая категория, относится ли она к экономике, праву или др. области, “не может существовать иначе, как абстрактное, одностороннее отношение уже данного конкретного и живого целого... Субъект, т.е. общество, должно постоянно витать в нашем представлении, как предпосылка”. Между отдельными частями общественного целого Маркс, таким образом, устанавливает закономерную связь и диалектическую взаимозависимость, и изучение каждой отдельной области становится невысказанным без понимания общественной жизни в целом. В установлении этой взаимозависимости, в выделении в ней основных и производных элементов, в сущности, и заключается метод исторического

материализма»¹.

Ранние советские марксисты, как правило, указывали, что исторический материализм не имеет своего систематического изложения. Оформление марксизма в качестве социологической теории должно было, по замыслу авторов данного плана, устранить или объяснить видимые противоречия, повысить уровень единства теории, придать ей вид современной науки. Следует понимать, что в первые годы советской власти хотя и был установлен идеологический диктат, в партийной среде шли ожесточенные дискуссии, демонстрируя известную степень интеллектуальной свободы. Рамки этих дискуссий, правда, были строго определены текстами Маркса, Энгельса, Ленина. Творчество ранних советских марксистов обычно состояло в том, чтобы дать свою концепцию понимания идей основоположников марксизма, развить их, не покидая марксистской почвы. Поскольку марксизм насыщен положениями, имеющими большой интеллектуальный потенциал, и действительно не был систематизирован (многие базовые тезисы излагались Марксом и Энгельсом в переписке), советские авторы имели определенный простор для изложения собственных мыслей. Перевод канонического марксизма, сформировавшегося в XIX в., на современный язык социологии был, конечно, творческим актом, подлинным развитием марксистской теории. Главной трудностью на этом пути (и главной опасностью для авторов, причем, нередко – физической) было не уклониться от базовой модели марксизма, как она сложилась в работах Маркса, Энгельса, Ленина. А социологическая трактовка марксизма, которая предполагала наложение на него немарксистских идей «буржуазных» социологов, такую опасность объективно представляла. Poleмика между советскими марксистами 20-х гг. пестрит обвинениями в буржуазности. Так, П.И. Стучка, профессиональный революционер, серьезно занявшийся теорией права только после Октября 1917 г., обвинял М.А. Рейснера в приверженности к «буржуазно-кадетской» школе Л.И. Петражицкого и в текстах всегда называл его «профессор Рейснер», желая, видимо, указать на его

непартийную, непролетарскую карьеру до революции. Е.Б. Пашуканиса или Д.И. Курского он неизменно называл «товарищами», подчеркивая тем самым их подлинную революционность. И это при том, что М.А. Рейснер – активный участник революционного движения и гражданской войны (был начальником политуправления фронта). Позднее, продолжая логику поиска врагов в науке, А.Я. Вышинский на Совещании по вопросам науки советского государства и права (16-19 июля 1938 г.) причислил многих из первых советских теоретиков марксизма (Пашуканиса, Крыленко, Гойхбарга, Рейснера, Ильинского, Разумовского, Архипова, Стучку и др.) к «банде от теории права», назвал их «провокаторами и предателями».

Перелицовка классического марксизма на социологический лад потребовала показать радикальное различие между марксистской и буржуазной социологией, что оказалось не таким простым делом. Принципиальная возможность встроить марксизм в каноны классической социологии скорее стирала данные различия. Согласно И.П. Разумовскому, диалектический материализм, распространенный на область общественно-исторических явлений, становится историческим материализмом, который, в свою очередь, нацеленный на поиск закономерностей и взаимосвязей социальных явлений, представляет собой науку социологию. В этом качестве социология рассматривается и как метод познания социальной действительности, и как теория, т.е. как развернутая система знаний об этой действительности. Особо подчеркивается, что социология изучает наиболее общие социальные закономерности и взаимосвязи, конкретизируемые затем в более частных науках (политической экономии, теории права, этике, эстетике). Марксистская социология ищет единства социальных явлений и их взаимосвязи с тем, чтобы с помощью открытых общих законов постигать явления частного порядка². Исходя из данных утверждений, социология есть наиболее абстрактная социальная наука, выводы которой приложимы к более специальным социальным наукам. Такое представление о социологии

¹ Разумовский И.П. Проблемы марксистской теории права. М., 1925. С. 8.

² Разумовский И.П. Курс теории исторического материализма. М.: Госиздат, 1928. С. 9, 16, 19.

вполне согласуется с тем, которое мы находим у классиков социологической мысли. Хотя Разумовский и настаивает, что буржуазную социологию отличает высокий уровень абстрактности, схоластичности и слабая связь с эмпирикой, теория марксистской социологии в его собственной трактовке в целом обладает теми же чертами. По-другому и не могло быть: социология как наиболее общая наука об обществе, претендующая на универсальность открываемых ею законов, неизбежно становилась абстрактной наукой. Стремясь показать марксистскую социологию как науку конкретную, опирающуюся на факты истории, Разумовский ставит в пример формационную типологию, которая, тем не менее, оказывается у него «наиболее общей формулой общественно-исторического процесса»¹, т.е., в конечном счете, той же абстракцией.

Что действительно резко отличает марксистскую социологию от практически любого немарксистского направления, так это ее партийность, классовый характер. Если классики социологии рубежа XIX-XX вв., как правило, стремились к деидеологизации общественной науки, подчеркивали ее надпартийный, надклассовый, строго научный характер, то основоположники марксизма и особенно советские идеологи считали своей задачей указать на связь классовой борьбы, социальных интересов с научной истиной. Логический ряд рассуждений советских идеологов был примерно следующим: марксизм открыл законы истории человечества, указывающие на его движение к коммунизму; рабочий класс – та политическая сила, которая находится в авангарде социального прогресса и своим непосредственным участием обеспечивает переход от капитализма к коммунизму; поскольку роль рабочего класса как могильщика капитализма и строителя социализма выражает законы истории и носит объективный, естественно-исторический характер, его мировоззрение и идеология, отражая данную объективность, также имеют научный характер; всякое уклонение от интересов и целей рабочего класса ведет к уклонению от законов истории, а значит и от научного социализма. Здесь налицо так

называемое единство теории и практики марксизма, слияние его научного, политического и идеологического компонентов.

Еще Э. Бернштейн справедливо указал на противоречивый дуализм научного социализма: в качестве идеологии он отстаивает интересы рабочего класса, как наука – подчинен познанию истины. Классовая борьба постоянно уводит социалистическую теорию от чистой науки и превращает ее в инструмент политики. Научный социализм не может в полной мере считаться наукой также потому, что в значительной мере опирается не на факты действительности, а на идеал, который должен осуществиться в будущем. Иначе говоря, теория социализма, включая в себя гипотезу об идеальном общественном строе, с неизбежностью приобретает черты утопии². Однако проблема представляется более общей, чем партийность марксистской социологии. Дело в том, что любая общественная наука с неизбежностью включает в себя ценностный и идеологический компоненты, в том числе социология. Крупнейшие социологи второй половины XIX – первой трети XX вв. развивали в своих учениях те или иные ценностные и идеологические установки, предлагали тот или иной социальный порядок: О. Конт выступал за классовый мир в условиях капитализма, М. Вебер был апологетом буржуазной культуры, П.А. Сорокин предлагал построить общество на основах альтруизма и т.п. Бесстрастное исследование общества, государства и права нередко заканчивается у социологов своими предложениями социального реформаторства, что, конечно, предполагает и политические взгляды, и ценностные установки, и социальные интересы. Советские социологи-марксисты, таким образом, провозгласив партийность общественной науки, открыто возвели в принцип, что всегда латентно существовало. Понимая, что абстрактные социологические схемы могут вести к выхолащиванию марксизма, советские социологи предлагали проверять социологический компонент марксизма социалистическим. Они считали необходимым рас-

¹ Разумовский И.П. Курс теории исторического материализма. М.: Госиздат, 1928. С. 433.

² Бернштейн Э. Условия возможности социализма и задачи социал-демократии. М.: Книжный дом «Либроком», 2011. С. 226-228; Бернштейн Э. Возможен ли научный социализм? Ответ г. Плеханова. М.: Философское общество СССР, 1991. С. 28-39.

смаывать марксистскую социологию в первую очередь как социалистическую теорию, и только во вторую – как социологическую доктрину. Другое дело, что не всегда так получалось, их постоянно заносило далеко от ортодоксального марксизма в сторону излюбленных ими «буржуазных» социологических теорий.

Господствовавшая в 20-х гг. тенденция представить марксизм как социологическую доктрину в полной мере проявила себя в общей теории права. Типично было рассматривать общую теорию права как органическую часть исторического материализма. Считалось, что исторический материализм как система взглядов на историю и структуру человеческого общества имеет своей составной частью учение о государстве и праве, их возникновении, развитии и функционировании. Исторический материализм предлагался в качестве метода исследования государства и права, а поскольку исторический материализм считался марксистской социологией, последняя становилась универсальным методом изучения политико-правовых явлений. Общая теория права, таким образом, зачастую отождествлялась с социологией права и рассматривалась в качестве отдельной отрасли общей социологии.

К концу XIX в., напомним, общая теория права сложилась как комплексная междотраслевая дисциплина, состоящая из нескольких компонентов: исторического, философского, догматического и социологического. После Октября 1917 г. юридические науки (в том числе общая теория права) оказались на подозрении у новой власти, поскольку отражали, по мнению большевиков, интересы буржуазии и помещиков и несли с собой «контрреволюционные настроения». Философский компонент общей теории права был, как правило, насыщен идеализмом, а догматический был тесно связан с отраслевой наукой, «буржуазно-помещичьей» по своему духу. Поэтому было вполне естественным, что в общей теории права на первый план вышли исторический и социологический компоненты, а философский и догматический либо полностью вытеснены, либо значительно сужены. Историческое и социологическое исследование права было созвучно собственно марксистскому подходу к праву.

Еще один фактор снижения значения

догматического компонента и выход на первые позиции социологического – левацкий уклон первых советских юристов. М.А. Рейснер, П.И. Стучка, Е.Б. Пашуканис видели в государстве и праве институты классового общества, обреченные погибнуть в горниле социалистической революции в России. Эпоха «военного коммунизма», когда замерли товарно-денежные отношения и регулирующие их нормы права, породила у них иллюзию скорого отмирания права. Однако «новая экономическая политика», оживившая товарное производство и потребовавшая правового регулирования, заставила вернуться к рассмотрению теоретических проблем права и государства, но опять-таки не с догматических, а исторических и социологических позиций, в контексте строительства социализма и перспектив отмирания данных институтов.

М.А. Рейснер, П.И. Стучка, Е.Б. Пашуканис воспринимали себя в роли первопроходцев, играющих ключевую роль в создании марксистской теории государства и права и преисполненных на этом основании собственным величием. Вот характерно высказывание, принадлежащее М.А. Рейснеру: Ленин, написав две книги, посвященные государству («Государство и революция», «Пролетарская революция и ренегат Каутский»), «оставил не затронутыми многие вопросы глубокой теории. Для этого у него нет ни возможности, ни времени. Если позволите мне в этом отношении воздать хвалу себе, что может быть несколько неприлично, но я все-таки скажу, что единственным государствоведом в Европе, если не во всем мире, который еще до всякого переворота к величайшему изумлению своей аудитории развивал науку о государстве как марксист, это был ваш покорный слуга»¹. Не отставал в самовосхвалении и П.И. Стучка, утверждавший, что марксистская теория права начинается с двух работ: его собственной «Революционная роль права» и Е.Б. Пашуканиса «Общая теория права и марксизм»². Маркс, Энгельс, Ленин заложили методологические основы понимания права и государства, создание же собственно теории, полагали они, следует отнести к их заслугам.

¹ Рейснер М.А. Основы Советской конституции. М., 1920. С. 88.

² Стучка П. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права. Сборник статей 1917-1930. М., 1931. С. 3-4.